

Заказав тофу, который вот-вот должны были вынуть из-под пресса, Сюн Цзиньчжоу лёгким шагом вернулся домой. Увидев, что Нин Гуйчжу кормит кур и уток, он подошёл посмотреть, а затем заодно принялся прибираться в навесе для мула.

— Мама с остальными ничего не сказали? — спросил Нин Гуйчжу.

Сюн Цзиньчжоу небрежно ответил:

— Всё то же: мол, денег не надо. Я оставил деньги и ушёл. Мама сказала, что позже, когда придёт, принесёт тофу.

Нин Гуйчжу кивнул:

— Хорошо.

Их семья не бедствовала настолько, чтобы пользоваться старшим братом и невесткой из-за такой мелочи.

Пока они говорили, Нин Гуйчжу уже рассыпал все отруби в загоне. Сюн Цзиньчжоу взглянул на собак, которые ели рядом, и спросил:

— Котят на кухню отнести?

— Отнеси.

Солнце ещё не вышло, собаки уже поднялись, так что котят лучше было положить у очага, чтобы они грелись. Сюн Цзиньчжоу присел у собачьей лежанки, пошарил там и вытащил двух котят, после чего пошёл за Нин Гуйчжу на кухню. На плите кипела вода. Перед кормлением домашних животных Нин Гуйчжу уже поставил мясной бульон для котят на очаг, и теперь, когда они вернулись, застывший бульон как раз растаял.

Бамбуковый лоток вымыли и поставили на стол. Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу взяли по котёнку и смотрели, как те радостно лакают, причмокивая.

— Они будто стали чуть толще, чем когда мы их только принесли? — тихо спросил Нин Гуйчжу.

Сюн Цзиньчжоу внимательно присмотрелся:

— Может, это потому что шерсть вымыли, она распушилась, и поэтому кажутся толще. Прошло-то совсем мало времени, не могли они так быстро набрать мяса.

— Тоже верно.

Они подождали, пока котята напьются мясного бульона, заодно вытерли им мордочки, постелили грубую ткань возле очага и положили малышей туда.

Тепло проходило через глиняную стенку очага и грело их тела. Котята немного полежали, вытянувшись, а потом принялись исследовать мир.

Сюн Цзиньчжоу обошёл Саньбао, который дополз до его ног, зачерпнул немного кипячёной воды и вышел умываться и чистить зубы. Когда Нин Гуйчжу вошёл обратно и увидел, что котята уже почти выползли на проход, он поспешно подошёл, поднял их и вернул на место. Саньбао с белым пятнышком между бровей растерянно завертел головой. Даже плохо видя, он понял, что все его усилия только что пропали впустую. Он тоненько замыкал пару раз, обошёл стоявшую перед ним большую преграду и, сменив направление, снова пополз.

Саньбао пополз, и Сыси тоже последовал за ним.

Нин Гуйчжу: «...»

Сюн Цзиньчжоу вошёл и, увидев эту картину, с улыбкой сказал:

— Пусть ползают. Просто следить за ними надо.

Котята были размером примерно с мышей, и если немного быть внимательнее, наступить на них было не так уж легко.

— Я просто боюсь «а вдруг».

Сказав это, Нин Гуйчжу поднялся, вычерпал оставшийся в котле кипяток, поставил в сторону и начал готовить завтрак.

— Сегодня можно кукурузную лапшу?

— Мне всё подходит, — ответил Сюн Цзиньчжоу.

Нин Гуйчжу взял таз и начал месить тесто, заодно сказал:

— Тогда нарежь немного мяса соломкой и приготовь зелёный лук.

— Хорошо.

Они оба занялись делами на кухне. Когда всё было готово, в котле разогрели масло, обжарили мясную соломку, затем вбили яйца, добавили соевый соус и соль, приправленную смесь разложили по двум чашкам, а в котёл налили воды, вскипятили и опустили лапшу. Кукурузная лапша получилась гладкой, приятной, с чистым ароматом кукурузы, а вместе с богатой добавкой стала ещё вкуснее. Некоторое время на кухне слышалось только, как они втягивают лапшу.

После еды время ещё было раннее. Сюн Цзиньчжоу вместе с Нин Гуйчжу немного прибрал огород и только потом, взяв мула, ушёл из дома. Когда все домашние дела были закончены, Нин Гуйчжу потянулся, вынес котят во двор, сел рядом с платком и продолжил вышивать, время от времени поднимая глаза на ползающих по земле малышей.

Дети и рабочие пришли один за другим. Нин Гуйчжу перенёс котят под навес, а сам взял книги и стал учить троих детей. Лю Цюхун пришла немного позже. Увидев, что Нин Гуйчжу ведёт урок, она тихонько поставила тофу на кухне.

Нин Гуйчжу лишь поприветствовал её.

Утренний урок быстро закончился. Нин Гуйчжу посмотрел на небо и сказал детям:

— Сегодня после обеда урока не будет. Когда старший брат вернётся, пусть отведёт вас к реке набрать мелкого песка. Завтра начнём учить линии.

Услышав, что занятий после обеда не будет, трое детей сразу просияли и громко ответили:

— Хорошо!

Он отпустил их размяться, сам накормил котят, снова убрал мясной бульон, засучил рукава и вошёл на кухню помогать Лю Цюхун готовить обед.

Увидев его, Лю Цюхун сказала:

— Тофу, который ты просил, я положила в шкаф.

— Хорошо.

Увидев, что на обед есть жареный тофу, Нин Гуйчжу понял: это блюдо принесли из родительского дома. На сердце стало тепло, и он не стал говорить ничего отказывающего или портящего настроение.

Они вместе приготовили обед и окликнули людей снаружи. Рабочие один за другим отложили дела и вошли. Дети, игравшие с котятками, посадили малышей на табурет, подвинули его к

кухонной двери и с ожиданием посмотрели на занятых взрослых.

— Можно нам есть?

Нин Гуйчжу вынес вуютоу и с улыбкой сказал:

— Сначала заходите. Нам нужно подать обед дядям-работникам.

— Хорошо...

Когда Нин Гуйчжу и Лю Цюхун вышли из кухни, Сюн Цзиньбо повёл младших внутрь. Посмотрев на еду у очага, он поднял те блюда, где порции были поменьше:

— Мы сначала отнесём наши блюда на стол!

Сюн Чуаньшуй и Сюн Иньинь радостно отозвались, пошли за ним, поставили свою еду на стол и, встав на цыпочки, достали чашки с палочками. Вернувшись и увидев это, Нин Гуйчжу рассмеялся:

— Сегодня так сильно проголодались?

— Нет, — покачал головой Сюн Цзиньбо. — Мама сказала, что нужно больше помогать учителю.

Двое рядом согласно закивали.

Нин Гуйчжу погладил их по головам и похвалил:

— Какие молодцы.

Получив похвалу, трое детей заулыбались во весь рот.

Когда еду для рабочих вынесли на стол, Нин Гуйчжу и Лю Цюхун тоже сели на кухне и поели вместе с детьми. Вяленого мяса дома и так оставалось мало, а после нескольких готовок оно давно закончилось. Поэтому сегодня мяса не было, на столе стояли только две чашки овощей: жареная дикая зелень и жареный тофу. Хотя без мясного, порции были щедрые, да и тофу жарили на хорошем количестве масла, так что все ели, не поднимая головы.

За едой Нин Гуйчжу рассказал Лю Цюхун, что после обеда урока не будет. Дети учились серьёзно и запоминали хорошо, но нельзя всё время только смотреть и слушать, не тренируя руку. Когда принесут мелкий песок, он начнёт учить их писать. Сначала будут упражняться на

песочных дощечках, а потом уже можно купить бумагу и кисти для дальнейшей практики.

Лю Цюхун сказала:

— Цзиньпина ждать не надо. Позже пусть твой отец отведёт их к реке.

Сегодня в уезд повезли много товара, к полудню могли и не вернуться. Лучше пусть Сюн Шишань отведёт детей, чтобы дело не затянулось и не забылось.

Нин Гуйчжу спросил:

— Разве отец не занят?

После того как Нин Гуйчжу как-то вскользь сказал, что умеет делать чесночный соус, семья нашла участок и в эти дни занималась его расчисткой.

— Ничего, там уже почти всё готово.

Семья не стала бы взваливать всё на одного Сюн Шишаня. После того как днём замачивали бобы, все брали мотыги и вместе шли расчищать землю. За эти несколько дней участок уже почти был готов, теперь главным оставалось увлажнить землю. Через день-два можно будет сеять.

Нин Гуйчжу на мгновение остановил руку и спросил:

— А где расчистили поле?

Он знал, что семья этим занимается, но подробно не спрашивал.

— У края того леса рядом. И от нас, и от вас удобно ходить, — Лю Цюхун указала за дом.

Нин Гуйчжу кивнул, показывая, что понял.

После обеда они всё убрали. Раз после полудня занятий не было, Нин Гуйчжу оставался дома, и Лю Цюхун увела детей. Нин Гуйчжу положил котят на солнце, чтобы они сами ползали, а затем вернулся на кухню, вскипятил половину котла воды и нарезал тофу маленькими кубиками. Пока вода закипала, он поискал и достал рисовую солому, оставшуюся после ремонта крыши, разложил её в маленьком плетёном подносе и временно поставил на стол. Затем опустил кубики тофу в кипяток, бланшировал, вынул и разложил на соломе. Посмотрев на тофу на столе, Нин Гуйчжу вернулся в спальню, отрезал кусок грубой ткани, накрыл им кубики и поставил всё в прохладное место.

Теперь оставалось ждать.

Закончив с тофу, Нин Гуйчжу вышел из кухни. Увидев, что котята отползли слишком далеко, он перенёс их обратно на прежнее место, затем вернулся в спальню, достал корзинку с шитьём и продолжил работать над незаконченной носовой платком. Постепенно подрубка по краям была закончена. Теперь оставалось вышить обещанный узор.

Нин Гуйчжу, опустив глаза, спокойно трудился, лишь изредка поднимаясь размяться. День проходил удивительно неторопливо и размеренно. Когда Сюн Цзиньчжоу вернулся домой и увидел человека, сидящего под навесом, на его лице сразу появилась улыбка.

— Чжу-гер, я вернулся!

Услышав его голос, Нин Гуйчжу как раз закрепил конец нити. Он обрезал её, положил иглу рядом, поднял готовый платок и, помахав им, с улыбкой сказал подошедшему мужу:

— Посмотри, нравится?

Сюн Цзиньчжоу взял платок, поднёс к носу, вдохнул его запах и, счастливо улыбаясь, сказал:

— Всё, что ты сделал, мне нравится.

Нин Гуйчжу рассмеялся.

Супруги сидели рядом, тихо переговариваясь. Лишь когда рабочие закончили дела и разошлись по домам, они поднялись и вместе занялись вечерними хлопотами.

— Мама... ты уйдёшь?

Худенький малыш в слишком просторной одежде появился на пороге и с тревогой посмотрел на Цянь Сань-нян, которая прибиралась на кухне. Утром приходил дядя-стражник. Мальчик прятался неподалёку, и его не заметили, но он услышал, как говорили о том, идти или не идти куда-то. Он мучился этим весь день и наконец не выдержал, осторожно спросив мать.

— Куда это я уйду? — Цянь Сань-нян растерялась.

Дома можно было чувствовать себя свободнее. Она поставила посуду, подошла к двери и присела перед сыном на корточки.

— Тебе кто-то что-то сказал?

Малыш нервно ковырял стену пальцами и тихо ответил:

— Утром... я слышал.

Цянь Сань-нян на мгновение замерла, а потом поняла, о чём он говорит. Она беспомощно погладила сына по голове и мягко сказала:

— Мама не собирается уходить. Тот дядя приходил поговорить со мной насчёт учителя. Помнишь? Мама ведь хотела научиться какому-нибудь ремеслу, чтобы зарабатывать деньги.

Глаза Чжуцзы сразу загорелись, и он часто-часто закивал:

— Помню!

Глядя на него, Цянь Сань-нян тихо вздохнула. В семье Ли её никогда не считали человеком, да и ребёнку внимания не уделяли. Мальчику не было ещё и трёх лет, а он был худеньким, словно котёнок. Обычно сидел тихо-тихо и даже с ней разговаривал редко. Теперь, когда они вернулись в родительский дом Цянь, бабушка с бабушкой и две её старшие, уже вышедшие замуж, сестры заботились о ребёнке, но он всё равно оставался таким же молчаливым, без тени обычной детской живости.

От этой мысли ненависть Цянь Сань-нян к семье Ли только усилилась. С тех пор как она с сыном вернулась домой, люди из семьи Ли постоянно распускали слухи, будто она рано или поздно станет обузой для своих родителей. Со временем соседи тоже начали говорить, что она непременно пожалеет о своём решении. Все эти разговоры были нужны лишь для того, чтобы испортить жизнь семье Цянь. Но сами они чувствовали только одно - благодарность судьбе за то, что им удалось вырваться из того дома.

Впрочем, одной лишь радости было мало. Цянь Сань-нян хотела наладить свою жизнь, сделать её по-настоящему благополучной и показать всем, что без семьи Ли ей будет становиться только лучше. Мысли теснились в голове. Она взяла сына за руку, привела его на кухню и усадила на маленькую скамеечку рядом.

Учиться ремеслу у господина Нина она обязательно пойдёт, но немного позже. По крайней мере, сначала нужно, чтобы ребёнок привык к её родителям. Иначе она боялась, что стоит ей отправиться в деревню Сяохэ учиться, как с мальчиком дома что-нибудь случится.

Когда Нин Гуйчжу услышал от Сюн Цзиньчжоу о решении Цянь Сань-нян, он лишь кивнул и отложил этот вопрос. Раз она пока не приходит, значит, они просто продолжают жить своей жизнью.

В тот день их первая попытка наладить сбыт через разносчиков оказалась очень удачной. Двое двоюродных братьев успешно распродали весь товар, а желающих купить оказалось даже больше, чем товара. Кроме того, в уезде всё больше людей пробовали сушёный тофу и соевую плёнку-фучжу, многим хотелось купить их и приготовить дома самостоятельно, поэтому дела сразу пошли гораздо оживлённее.

Вернувшись домой, Сюн Цзиньпин и Ван Чуньхуа уже задумались, не нанять ли ещё нескольких помощников. Но пока решили не торопиться. Они ведь только что взяли первого работника и лишь начали сотрудничать с двумя двоюродными братьями, так что увеличивать число людей было ещё рано.

Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу обо всём этом не знали. Они лишь понимали, что дома у родных теперь очень много работы. После ужина супруги даже заглянули к семье Сюн, собираясь помочь. Но дома всё было настолько хорошо организовано, что им удалось лишь немного подсобить, а большую часть времени они просто сидели без дела.

Раз уж помочь особенно нечем...

Сюн Цзиньчжоу, взяв Нин Гуйчжу за руку, крикнул:

— Мам, мы с Чжу-гером пойдём! Сходим наберём дикой зелени.

— Ладно. Только не задерживайтесь, сейчас в траве уже много змей.

— Понял.

Супруги ушли, держась за руки. Ван Чуньхуа приняла чашку воды, которую подал ей Сюн Цзиньпин, сделала глоток и с улыбкой сказала:

— Видел? У Цзиньчжоу глаза вообще от Чжу-гера не отрываются.

Прилип к нему, как приклеенный.

Сюн Цзиньпин посмотрел вслед удаляющейся паре, затем перевёл взгляд на родителей, снимавших соевую плёнку у очага, наклонился к уху жены и тихо сказал:

— У меня тоже.

Ван Чуньхуа на мгновение замерла с чашкой в руке, покосилась на мужа, который решил говорить такие слова именно сейчас, сунула чашку ему обратно и фыркнула:

— «Тоже» он... Иди работай.

Глядя, как она поспешно поднялась, Сюн Цзиньпин не удержался от смеха.

Дни шли один за другим.

Днём Нин Гуйчжу учил детей грамоте, а после возвращения Сюн Цзиньчжоу они вместе ходили собирать дикорастущую зелень. Этого хватало не только для того, чтобы кормить рабочих у себя дома, но и чтобы снабжать зеленью семью родителей, снимая с них часть забот. Котята, которых кормили мясным бульоном и яичным супом, всего за несколько дней заметно оживились. Глаза у них полностью открылись, они уже бегали на своих маленьких лапках по всему двору, прыгали и резвились. Две собаки явно полюбили малышей ещё сильнее и теперь целыми днями ходили за ними по пятам.

Нин Гуйчжу случайно заметил, что Эрцай снова вылизывает котёнку зад, потёр переносицу и отвёл взгляд, сделав вид, что ничего не видел. Котятам для этого дела всё ещё нужна была помощь извне, так что Эрцай, можно сказать, освобождал его от лишних хлопот.

Когда дворную стену семьи Сюн уже достроили и готовились белить, Цянь Сань-нян сошла с ослиной повозки у входа в деревню Сяохэ. Оглядевшись, она подошла к группе людей неподалёку:

— Простите, я хотела спросить, где дом Сюн-батоу?

Болтавшие люди увидели её и на миг притихли. Вместо ответа кто-то с подозрением спросил:

— Тебе зачем?

Цянь Сань-нян кивнула:

— Я пришла учиться у господина Нина.

Вокруг тут же поднялся шум. Кто в деревне не знал, что Нин Гуйчжу многое умеет? Сначала по велению уездного судьи он ходил в город учить людей ткачеству, потом научил старшего сына семьи Сюн делать тофу, недавно, говорят, ещё и их детей начал грамоте обучать. А теперь уже кто-то пришёл к нему учиться со стороны.

Первые случаи ещё можно понять: то приказ уездного судьи, то свои родные. Но почему теперь чужие люди пришли учиться раньше жителей их деревни Сяохэ?

Семья Сюн поступает нечестно!

Кто-то в душе закипал от зависти и злости, но нашлись и добрые люди. Одна старушка указала Цянь Сань-нян дорогу и поднялась:

— Я провожу тебя.

За годы в семье Ли Цянь Сань-нян стала очень чувствительна к чужим эмоциям. Заметив отношение этих людей, она нахмурилась, начав беспокоиться, что её приход доставит господину Нину неприятности.

Старушка, ведшая её к дому Сюн Цзиньчжоу, сказала:

— Не переживай. Они не посмеют досаждать Сюн-фулану.

Цянь Сань-нян озадаченно отозвалась:

— А?

Когда Сюн Цзиньчжоу стал батоу, она уже была замужем, так что о его грозной славе слышала лишь краем уха и подробностей не знала.

Старушка этого не знала и просто сказала:

— Второй сын семьи Сюн с супругом очень ладит. Кто посмеет его обижать?

За разговором они дошли до дома Сюн. Старушка остановилась у ворот:

— Чжу-гер, к тебе пришли.

Услышав голос, Нин Гуйчжу вышел из спальни. Увидев Цянь Сань-нян, он невольно улыбнулся, но прежде чем принять её, сначала обратился к старушке:

— Спасибо, бабушка. Зайдите, выпейте воды перед уходом.

Старушка махнула рукой:

— Не буду.

Заметив Лю Цюхун, выглядывающую из кухонного окна, она поманила её:

— Цюхун, выйди на минутку.

Лю Цюхун с недоумением отложила работу и вышла:

— Что случилось?

Старушка отвела её в сторону поговорить. Цянь Сань-нян вошла во двор вслед за Нин Гуйчжу и тихо рассказала о том, что только что произошло.

Нин Гуйчжу сказал:

— Ничего страшного. Ты пока посиди. Я задам детям немного работы и сразу начну тебя учить.

— Хорошо. Простите за хлопоты, — скованно села Цянь Сань-нян.

Снаружи старушка пришла к Лю Цюхун заказать тофу. Договорившись забрать его завтра утром, она заодно упомянула случившееся у входа в деревню.

Лю Цюхун презрительно фыркнула:

— Опять эти мерзавцы.

Старушка вздохнула:

— А что поделаешь? У них в семье мужиков полно.

В деревне, если в доме много взрослых мужчин, такую семью не то что не обидят - хорошо ещё, если сами не будут до последнего пользоваться чужой добротой. И было очевидно, что люди, о которых они говорили, к числу «хороших» вовсе не относились.

Впрочем, семья Сюн их не боялась. Лю Цюхун сказала:

— Чжу-гер, конечно, драться не умеет, зато у него есть Цзиньчжоу. Если они не боятся, что их мужиков потом поколотят, пусть приходят.

Услышав это, старушка тоже рассмеялась. Что ни говори, а с тех пор как Сюн Цзиньчжоу прославился своим крутым нравом, несколько деревенских смутьянов рядом с семьёй Сюн осмеливались разве что отпустить пару колких замечаний. Да и то - только убедившись, что самого Сюн Цзиньчжоу поблизости нет.

И смотреть на это было одно удовольствие.

Перекинувшись со старушкой ещё парой слов, Лю Цюхун вернулась во двор. Увидев, что Нин Гуйчжу уже хлопчет на кухне, она между делом спросила:

— Чему собираешься её учить?

О деле Цянь Сань-нян супруги уже говорили заранее.

— Блюдам из тофу, — ответил Нин Гуйчжу.

О том, что Цянь Сань-нян придёт сегодня, они узнали ещё вчера, поэтому утром Нин Гуйчжу попросил Сюн Цзиньчжоу купить у домашних побольше разных изделий из тофу. Лю Цюхун было очень любопытно посмотреть, как готовятся эти «блюда из тофу», но она подумала, что это ремесло Нин Гуйчжу обещал передать именно Цянь Сань-нян, поэтому взяла свои вещи и устроилась снаружи.

Нин Гуйчжу удивлённо окликнул:

— Матушка?

Лю Цюхун махнула рукой:

— Вы занимайтесь. А мне надо одежду твоему свёкру заштопать.

Тяжёлая работа быстро изнашивала одежду. Куртка, которую она держала в руках, уже не раз была чинена; её обычно надевали для тяжёлых работ, чтобы не портить остальные вещи.

Раз уж она так сказала, Нин Гуйчжу больше не стал обращать на неё внимания и повернулся к Цянь Сань-нян:

— Сначала я покажу один раз, а ты внимательно смотри. Потом попробуешь сама. Хорошо?

Цянь Сань-нян нервно стиснула край одежды и энергично кивнула.

Блюд из тофу существовало множество. Для начала Нин Гуйчжу выбрал самые простые по приправам: обжаренный тофу, жареную соевую соломку, овощные лепёшки с тофу и тому подобное. Он также попросил у старшего брата с невесткой немного соевой окары, чтобы научить её делать вкусные лепёшки из соевого жмыха.

— Тофу дешёвый, а приготовить из него можно очень многое. Если не жалеть приправ,

заработать хорошую репутацию будет нетрудно, — сказал Нин Гуйчжу, накрывая крышкой сковороду с обжаренным тофу, чтобы дать ему немного потомиться. Затем добавил: — Есть ещё блюда из тофу с мясом или яйцами. Они обходятся дороже. Их освоишь позже, когда уже начнёшь зарабатывать.

— Хорошо, — послушно ответила Цянь Сань-нян, потом отвела взгляд от сковороды и, немного смущаясь, спросила: — А... сколько я должна вам заплатить за всё это?

Она всё это время думала, что пришла проситься в ученицы. Но с тех пор как переступила порог дома, Нин Гуйчжу не сказал об этом ни слова, а сразу начал учить её. Цянь Сань-нян решила, что господин Нин, вероятно, не хочет принимать её официальной ученицей. Но тогда тех пяти лян серебра, что она принесла, явно не хватит, чтобы оплатить столько рецептов.

— С деньгами пока не спеши, — сказал Нин Гуйчжу, приподнимая крышку и проверяя тофу. Перевернув кусочки, он показал ей: — Вот до такого состояния нужно тушить. Тогда тофу хорошо пропитается соусом и получится особенно вкусным.

Переложив блюдо на тарелку, он протянул Цянь Сань-нян палочки, предлагая попробовать. После тушения под крышкой румяная корочка полностью пропиталась ароматным соусом, а сам соус проник внутрь тофу. Щепотка молотого перца чили сделала вкус более многогранным и придала блюду насыщенную солоновато-пряную глубину. Ещё по запаху Цянь Сань-нян поняла, что это должно быть вкусно. Но лишь попробовав, осознала, насколько этот жареный тофу отличается от того, что она готовила раньше.

Первый же кусочек пробудил мучительный голод. Она поспешно доела уже надкусанный кусок, пытаясь скрыть тихое урчание в животе.

— Как вкусно... Даже не знала, что жареный тофу может быть таким.

Нин Гуйчжу сделал вид, что ничего не заметил, и с улыбкой сказал:

— Просто не жалеть приправ, и всё. Готовится совсем несложно. Теперь попробуй сама.

— Хорошо.

Цянь Сань-нян засучила рукава и, стараясь в точности вспомнить каждое движение Нин Гуйчжу, принялась готовить, на время совершенно забыв о разговоре про деньги.□